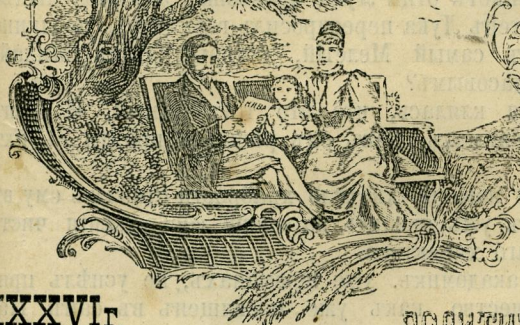

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 47

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 № № „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 26-го ноября 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 47.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ И. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНІЕ“ Ршелевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-кою въ Петер-бургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .

8 р.

За гра-ницу. 12 р.

Невѣста Варвара.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Дьяконъ жадно слушалъ его слова и напрягалъ свой умъ, чтобы понять ихъ; но понималъ онъ только отдѣльные моменты, всего же въ общей сложности обнять не могъ. Слишкомъ это было для него умственно, отвлеченно, слишкомъ далеко отъ повседневной жизни; и онъ сказалъ:

— Высоко это для моего ума, слишкомъ высоко, Мелетій, а только кажется мнѣ, что въ этомъ есть что-то доброе, возвышенное.

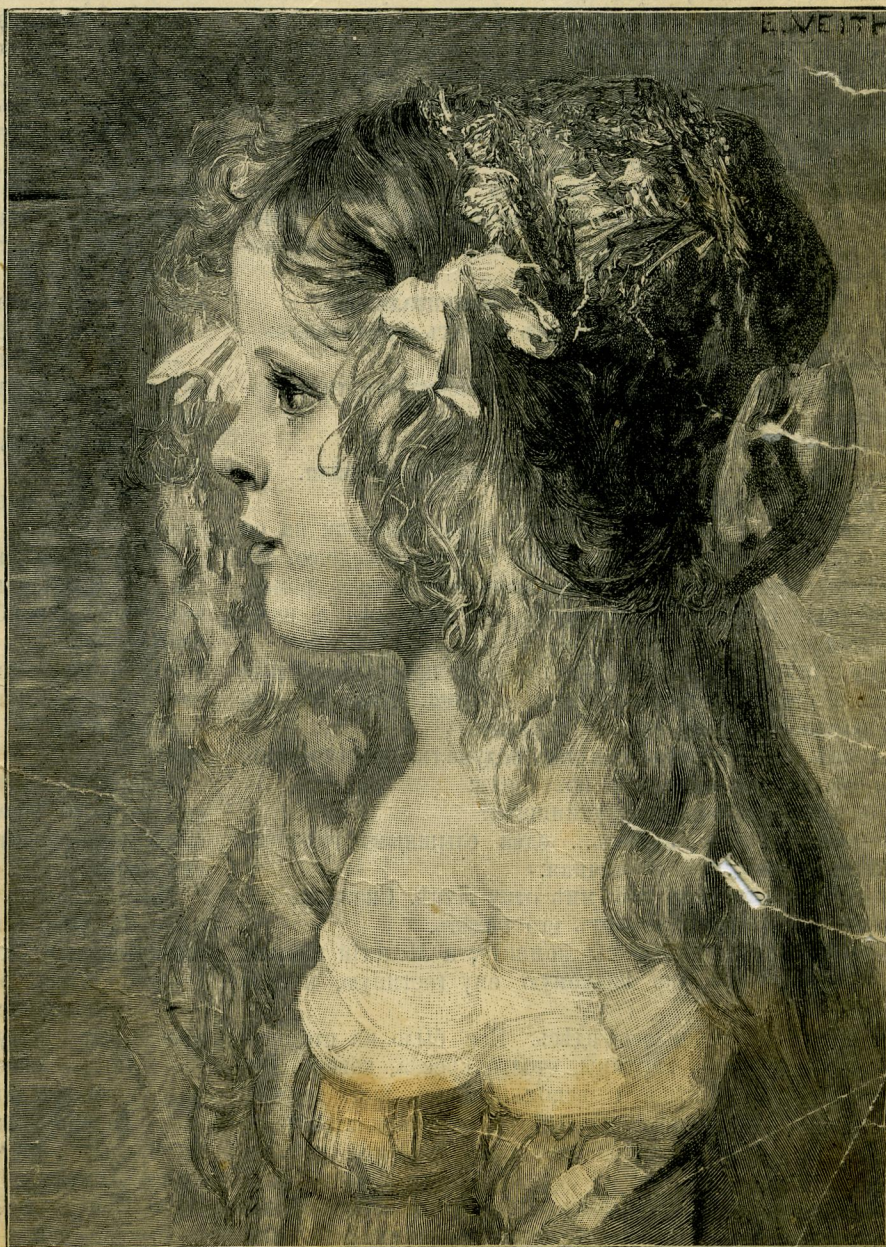
А Мелетій кротко смотрѣлъ на него и утвердительно качалъ головой.

— Но слушай, Мелетій,—говорилъ дьяконъ:—думалъ ли ты о томъ, что здѣсь, въ нашемъ городѣ, ты можешь случайно встрѣтиться съ твоей бывшей невѣстой, Варварой Лукинишной. Это будетъ тягостная встрѣча.

— Нѣтъ,—очень твердо и убѣжденно отвѣтилъ Мелетій.—Я не боюсь этой встрѣчи, я даже желаю ея. Не должно быть недоразумѣній и вражды между людьми, еще такъ недавно связанными добрыми чувствами. Я прямо посмотрю ей въ глаза и она, о, я увѣренъ, она пойметъ мой поступокъ.

— Дай-то Богъ... Вѣдь она оскорблена. Оскорблена не твоимъ отказомъ, а именно тѣмъ, что ты ей самой не сообщилъ...

— Она и это пойметъ, она все пойметъ... Нѣтъ, я ничего не боюсь, отецъ, никакихъ встрѣчъ. Въ душѣ моей ясность. Никто не долженъ обижаться тѣмъ, что человѣкъ избираетъ для своей жизни тотъ или иной путь. Пока человѣкъ не свяжетъ себя никакими обязательствами,

Маленькая Ева. Картина Е. Фейта, арт. «Нивы».

жизнь принадлежит ему. Вотъ, если бы я обвинчался уже съ Варварой Лукинишной, я былъ бы связанъ общаниемъ... Тогда ужъ я не былъ бы свободенъ. Ахъ, отецъ, какое счастье не быть связаннымъ никакими обязательствами!

Дьяконъ, не будучи въ состояннн вполнѣ воспринять настроеніе Мелетія, тѣмъ не менѣ какъ-то вполнѣ примирился съ его шагомъ. Въ душѣ его явилось успокоеніе и онъ началъ рассказывать Мелетію о томъ, какъ вѣсть о его монашествѣ была принята въ городѣ, какъ его поздравляли и даже завидовали ему, какъ, наконецъ, самъ архіерей заинтересовался этимъ.

— Ахъ, да,—прибавилъ онъ:—вѣдь преосвященный велѣлъ передать тебѣ, когда ты прїѣдешь, чтобы ты бывалъ у него. Онъ хочетъ съ тобой побесѣдовать.

— Охотно побываю,—отвѣтилъ Мелетій:—вашъ архіерей хорошій старикъ. Я его знаю по семинарскимъ временамъ. Побываю, побываю.

— А долго ли у насъ останешься?

— Да сколько хотите, пока не надобъмъ вамъ. Разумѣется, въ предѣлахъ каникулярнаго времени.

V.

При парадной двери, выходящей на улицу, въ церковномъ домѣ соборной церкви, въ квартирѣ третьяго священника Троянскаго, была кнопка электрическаго звонка и, казалось, этотъ звонъ звучалъ съ удивленіемъ, можетъ-быть, даже съ негодованіемъ, когда подошедшій къ двери высокій худощавый монахъ съ русыми кудрями, едва-едва выглядывавшими изъ-подъ чернаго клобука съ длинной мантией, надавилъ кнопку.

Давняя горничная, служившая въ этомъ домѣ уже много лѣтъ, побѣжала въ переднюю и отперла дверь.

Яркій солнечный лучъ ворвался въ переднюю и на фонѣ его обрисовалась черная фигура монаха. Горничная взглянула въ его лицо и глаза ея какъ бы остановились на этомъ лицѣ и замерли.

— Отецъ... отецъ Михайло...—прошептала она.

— Мелетій,—мягко поправилъ монахъ и прибавилъ:—А что? Дома отецъ Лука?

— Батюшка дома,—дрожащимъ голосомъ отвѣтила горничная.

— А матушка?

— Матушки сейчасъ нѣту... Въ магазинъ ушли.

— А Варвара Лукинишна?

Горничная хотѣла отвѣтить, но слова замерли на ея устахъ. Она очень хорошо знала все происшедшее. Въ домѣ поступокъ Михайла Велегласова обсуждался громко, и не было границъ негодованію, съ которымъ о немъ отзывались.

На лицѣ Вари она видѣла глубокое презрѣніе всякій разъ, когда произносилось даже его имя. Какъ же онъ спрашиваетъ? Какъ же ему отвѣтить?

А онъ, не получивъ отвѣта, подумалъ, должно-быть, что она не разслышала и повторилъ:

— Дома ли Варвара Лукинишна?

— Они... Они...—ма-съ... едва слышнымъ голосомъ отвѣтила, наконецъ, горничная.

— Такъ сложите обо мнѣ отцу Лукѣ. Скажите, что іеромонахъ Мелетій жelaетъ его видѣть.

Горничная побѣжала въ комнату, а Мелетій вошелъ въ домъ, въ хорошо знакомую ему гостиную, и тутъ ждалъ.

Ничто не измѣнилось здѣсь. Все было на старыхъ мѣстахъ—пiano, картины, столы, кресла, коверъ. Все было уютно и приятно. И вспомнилъ онъ, какъ любилъ онъ бывать въ этомъ домѣ, гдѣ его считали своимъ, и особенно въ этой гостиной, гдѣ такъ хорошо сидѣлось и говорилось.

И въ душѣ его стало тепло отъ этого воспоминанія и онъ сказалъ себѣ: «да, хорошія воспоминанія лучше хорошей жизни. Жизнь проходитъ бурно, мы въ ней

участвуемъ, затрачиваемъ силы и не можемъ оцѣнить всей ея прелести. А воспоминаніемъ мы любуемся, какъ прекрасной картиной, которая всегда передъ нами и въ которой хорошее улеглось въ постоянныхъ формахъ».

А въ кабинетѣ отца Луки произошло замѣшательство и тревога. Отецъ Лука переспросилъ горничную: подлинно ли это тотъ самый Мелетій, который былъ Михайломъ Велегласовымъ?

Горничная клялась, что это тотъ самый. И отецъ Лука не понималъ, какъ онъ рѣшился прїидти въ ихъ домъ.

Однако, у него не хватило храбрости отказать ему въ прїемѣ. Тутъ ужъ явились на сцену соображенія чисто практическаго характера.

Монахъ, академикъ, уже іеромонахъ, не успѣлъ принять монашество, какъ уже посвященъ въ санъ. Навѣрное съ архіереемъ будетъ хорошъ, а тамъ, по окончаннн академіи, скоро двинется впередъ, прїобрѣтетъ вліяніе. Какъ же можно не принять его? Мало ли что можетъ быть—какія встрѣчи, какая завязанность.

И онъ отослалъ горничную сказать, что сейчасъ выйдетъ, и началъ экстренно приводить себя въ порядокъ.

Онъ хотѣлъ явиться передъ гостемъ какъ можно болѣе въ официальномъ видѣ, надѣлъ рясу, наперстный крестъ, камлавку, причесалъ волосы, чтобы и они лежали въ порядкѣ, и, наконецъ, вышелъ въ гостиную.

Кажется, отецъ Лука не ожидалъ встрѣтить именно такого гостя. Подъ вліяніемъ того мнѣнія, которое установилось въ его домѣ о поступкѣ Велегласова, монахъ Мелетій рисовался ему иначе, можетъ-быть, болѣе грубымъ, неказистымъ и вообще неприятнымъ.

И встрѣтивъ тонкаго, стройнаго, почти величаваго гостя въ черной одеждѣ, съ длинными четками въ рукахъ, отецъ Лука на мгновеніе остановился.

— Отецъ Мелетій?—вопросительно произнесъ онъ.

— Бывшій Михайлъ!—отвѣтилъ гость и, сложивъ ладони по порядку, подошелъ, чтобы взять благословеніе.

— Скорѣе мнѣ у васъ благословеніе слѣдуетъ брать. Вы іеромонахъ.

— Но я привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на отца.

И это было сказано съ такой удивительной простотой, съ такой душевной ясностью, безыскусственностью, что отецъ Лука безъ малѣйшаго возраженія далъ ему благословеніе.

Это первое впечатлѣніе какъ-то зачеркнуло все прежнее, и отецъ Лука благосклонно взглянулъ на своего недавняго зятя. Душа его разомъ повернулась къ нему.

Однакожъ, извѣстная условность не допускала съ его стороны чрезвычайной любезности. Онъ долженъ былъ помнить, что передъ нимъ человекъ, оскорбившій его дочь.

Поэтому отецъ Лука велъ себя осторожно, не прогонялъ съ лица своего холодъ и старался только быть внимательнымъ хозяиномъ.

— Садитесь, отецъ Мелетій,—сказалъ онъ.

Мелетій сейчасъ же принялъ предложеніе и сѣлъ въ кресло. Отецъ Лука сдѣлалъ то же.

— Вотъ,—сказалъ Мелетій:—прїѣхалъ въ родной родъ повидать родныхъ и близкихъ людей.

— Теперь у васъ, какъ у монаха, не должно быть ни родныхъ, ни близкихъ,—тонко и осторожно сказалъ отецъ Лука.

— Почему же?—съ искреннимъ удивленіемъ спросилъ Мелетій:—почему вы такъ думаете, отецъ Лука?

— А какъ же? Принимая монашескій чинъ, вы отрелись отъ міра. А родные и близкіе, это—міръ, это мірское.

— Вы ошибаетесь, отецъ Лука. Монахъ только приравнивается къ ангельскому чину, какъ къ идеалу, къ коему онъ долженъ стремиться, но онъ человѣкъ, онъ остается человѣкомъ. Только въ немъ духовная сторона преобладаетъ надъ плотской. Если бы мы были ангелами, мы не питались бы хлѣбомъ, мы не нуждались бы въ снѣ для отдыха и во многомъ другомъ. Мои родные, близкіе — остались мнѣ родными и близкими, но родство и близость болѣе отодвинулись въ сторону духа. Развѣ я не близокъ по духу къ своему отцу и своей матери, отъ которыхъ я унаслѣдовалъ духовныя склонности, которые воспитали меня въ своихъ понятіяхъ? Какіе могу я отречься отъ того, что есть въ дѣйствительности? Если бы монашество обязывало къ этому, оно было бы ложью. Но оно не ложь. Неужели вы со мной не согласны, отецъ Лука?

— Вы меня убѣждаете. Я готовъ согласиться съ вами,—сказалъ отецъ Лука и съ глубокимъ уваженіемъ посмотрѣлъ на отца Мелетія.

Нѣтъ, не такого онъ ожидалъ увидѣть. Онъ думалъ, что передъ нимъ будетъ лицемѣръ, старающійся придать себѣ видъ благочестія. А Мелетій совѣмъ не старался объ этомъ.

Онъ думалъ, что встрѣтитъ человѣка, гордаго своей святостью, склоннаго поучать другихъ, а увидѣлъ въ Мелетіи умнаго собесѣдника, у котораго есть свои убѣжденія, оригинальныя, не похожія на тѣ, какія обыкновенно высказываются.

— Да,—сказалъ отецъ Лука:—я невольно соглашаюсь съ вами. Не можетъ человѣкъ перестать быть человѣкомъ. Человѣческое въ немъ всегда останется. Мы видимъ, что и святые мужи не забывали своихъ родныхъ и старались оказать имъ ласковость. Мнѣ нравится, отецъ Мелетій, то, что вы говорите, и то, что вы пожела-ли навѣстить вашихъ родныхъ.

— Позвольте, отецъ Лука, обратиться къ вамъ съ одной великой просьбой,—сказалъ Мелетій и даже привсталъ на минуту, а потомъ опять сѣлъ.

— Пожалуйста, отецъ Мелетій, готовъ заранѣе обѣщать вамъ исполненіе, — любезно отвѣтилъ отецъ Лука.

— Прошу васъ, называйте меня, какъ прежде, *ты*.

Отецъ Лука не сразу отвѣтилъ. Вопросъ этотъ въ сущности былъ простъ. Почему не называть человѣка такъ, какъ онъ хочетъ? Въ этомъ проявляется его почтительность и уваженіе. Но существовали соображенія семейнаго характера.

Могъ ли онъ рѣшить этотъ вопросъ на свой страхъ, когда въ дѣлѣ замѣшаны Варенька и главное — его жена, которая не проститъ ему ошибки въ такомъ дѣлѣ.

— Почему вы этого желаете, отецъ Мелетій? — уклончиво спросилъ отецъ Лука.

— Потому что у меня въ душѣ такое чувство, что ничего между нами по существу не перемѣнилось.

— Какъ же не перемѣнилось, отецъ Мелетій? Вы были женихомъ моей дочери и вы перестали имъ быть...

— Женихъ—это условное понятіе, — сказалъ Мелетій:—женихомъ можетъ быть каждый. Мало ли бываетъ случайныхъ браковъ, когда въ положеніе жениха и потомъ мужа становится человѣкъ мало даже знакомый? Но мы съ Варварой были друзьями, и я надѣюсь, что такими останемся навсегда.

— Какимъ образомъ это можетъ быть? — съ удивленіемъ и явнымъ сомнѣніемъ воскликнулъ отецъ Лука.

— Иначе не можетъ быть, отецъ Лука. Иначе не

можетъ быть. Если бы было иначе, то это означало бы, что наша связь была случайная, что въ ней не было ничего прочнаго. А это же не такъ, это было не такъ.

— Не знаю, не знаю... Ничего не могу сказать опредѣленнаго по этому поводу, — сказалъ отецъ Лука и этимъ выдалъ свою слабость.

— Вы хотите сказать, отецъ Лука, что въ настоящее время Варвара питаетъ ко мнѣ вражду? Я это допускаю, но это оттого, что она не знаетъ...

— Да, она не знаетъ, потому что вы не объяснили ей. Вы игнорировали ее и тѣмъ оскорбили ее.

— Можетъ-быть, я и виноватъ передъ нею. Но и на это были причины. Но она узнаетъ меня, непременно узнаетъ и тогда пойметъ. Нѣтъ, не можетъ быть вражды между нами.

— Ничего не могу сказать. Ничего не могу, — повторилъ отецъ Лука, совершенно сбитый съ толку увѣренной рѣчью Мелетія.

И почему онъ называетъ ее Варварой? Это казалось ему страннымъ. Отношенія ихъ требуютъ, чтобы онъ называлъ ее по имени и отчеству. Онъ же вотъ уже два раза повторилъ ея имя такъ, какъ будто ничего не произошло.

Теперь отецъ Лука чувствовалъ себя въ величайшемъ затрудненіи. Онъ вышелъ на борьбу съ противникомъ, который оказался гораздо сильнѣе его, сильнѣе своей убѣжденностью, противъ которой онъ, отецъ Лука, не могъ противопоставить ничего равнаго.

И онъ желалъ только одного: чтобы поскорѣе вернулась его жена и дала бы дѣлу надлежащее направленіе.

— Можете вы оказать мнѣ одолженіе? — сказалъ, между тѣмъ, Мелетій.

— Какое? — на этотъ разъ уже осторожно, не обѣщая заранѣе исполненія, спросилъ отецъ Лука.

— Позвольте мнѣ повидать Варвару.

Этого отецъ Лука никакъ не ожидалъ. Въ первое мгновеніе это желаніе показалось ему совершенно невыполнимымъ. Настроеніе Вареньки никакъ не допускало этого. Варенька не могла слышать имени своего прежняго жениха.

Но, съ другой стороны, выступали тѣ самыя соображенія практическаго свойства, которыя заставили его принять Мелетія и быть съ нимъ любезнымъ. Какъ же отказать человѣку въ исполненіи такой простой просьбы — повидаться, поговорить? Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, вражда къ нему неосновательна, можетъ-быть, онъ это докажетъ какими-нибудь двумя словами?

Вѣдь привлекъ же онъ на свою сторону его, отца Луку. Несомнѣнно, что онъ и до сихъ поръ сохраняетъ въ своей душѣ расположеніе къ нему.

А между тѣмъ, рѣшиться на это безъ жены онъ никакъ не могъ. Это превышало его мужество.

— На это я вамъ скажу вотъ что, отецъ Мелетій! Безъ сомнѣнія, вы имѣете право желать встрѣчи съ моей дочерью, чтобы объяснить ей свой поступокъ, но вы меня извините, если я не рѣшусь сдѣлать это сейчасъ. Если бы вы знали ея настроеніе, то поняли бы что къ этому ее надо подготовить...

— Ахъ,—съ грустнымъ вздохомъ сказалъ Мелетій вотъ именно—не надо бы готовить. Что значъ подготовить? Это значить—вселить въ ея душу прязноту. А всякая прязноту—мой врагъ, съ котрымъ мнѣ придется бороться. Зачѣмъ готовить? Пусть бы она сама взглянула на меня и послушала меня и рѣшила своимъ здравымъ умомъ и своей свѣтлой душой... Она не сдѣлала бы ошибки, это я хорошо знаю.

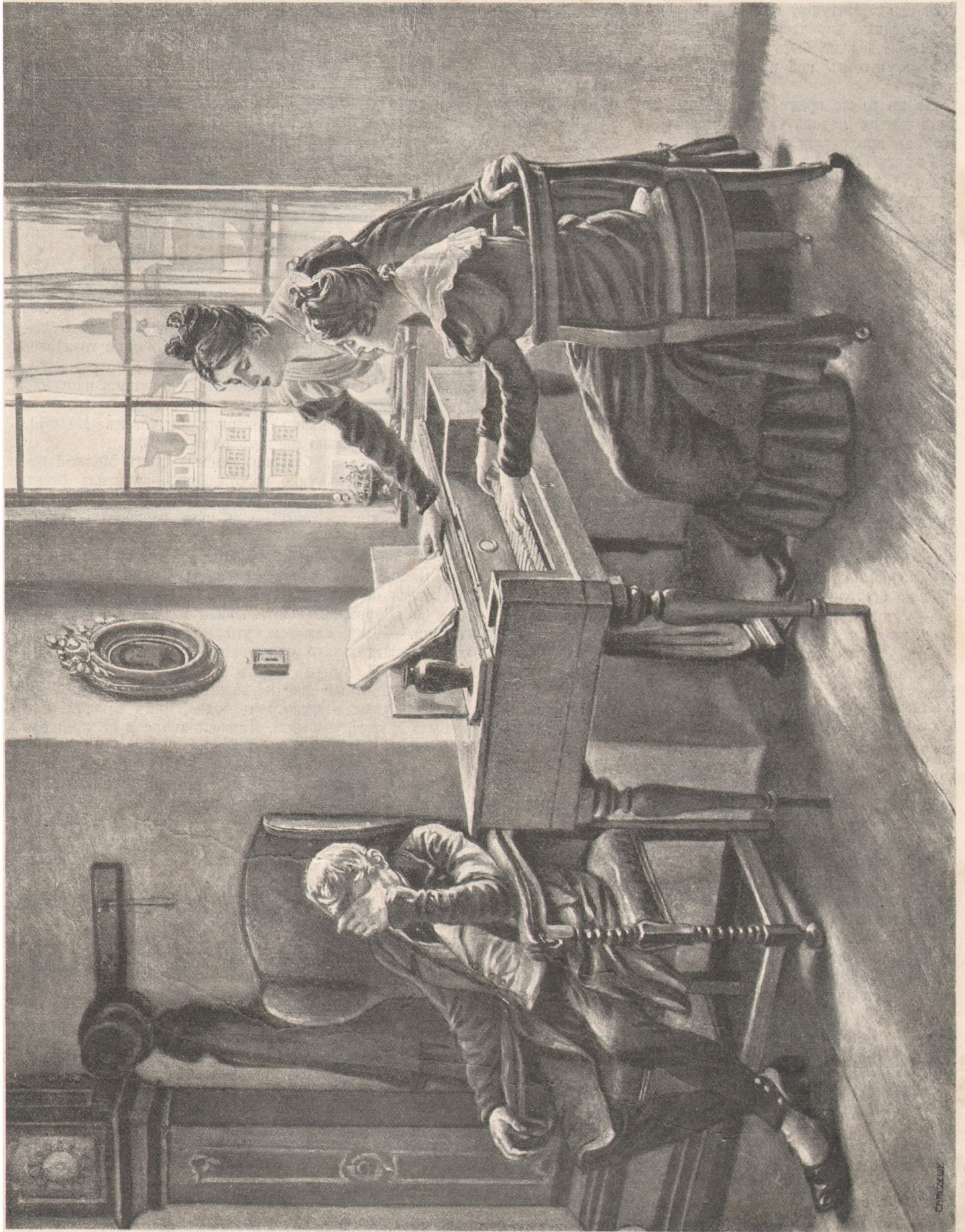
— Вы говорите хорошо, умно, отецъ Мелетій, я покоренъ вашими рѣчами, а все-таки я не могу. Да ужъ я вамъ скажу прямо: эту область вѣдаетъ моя жена.

Когда улетают ласточки... Картина Е. Фейта, арт. «Нивы».

Пѣснь прошлаго. Картина К. Цееи, арт. «Нивы».

С. П. Д. 1905.

Вѣдь всегда такъ было... Вы же знаете. Ну, вотъ она придетъ, и тогда это рѣшится.

Мелетій понялъ, что теперь все дѣло въ слабости отца Луки. Матушку онъ зналъ, какъ особу гордую и съ большимъ характеромъ. Онъ ясно представлялъ себѣ, какъ она должна быть озлоблена противъ него, и предвидѣлъ, что въ ней онъ встрѣтитъ сильнаго противника.

Но въ то же время онъ видѣлъ, что отца Луку никакъ нельзя подвинуть на рѣшимость, и приготовилъ себя къ приходу матушки.

Такимъ образомъ двѣ просьбы, обращенныя имъ къ отцу Лукѣ, остались неисполненными, и все это только благодаря слабости его характера. Въ сущности, отецъ Лука ничего не имѣлъ ни противъ того, ни противъ другого, а только боялся не попасть въ надлежащій тонъ.

Если бы онъ замѣтилъ, что вѣтеръ опредѣленно подулъ въ благопріятную для Мелетія сторону, то сейчасъ же перешелъ бы на *ты* и устроилъ бы свиданіе Мелетія съ Варенькой.

Чтобы какъ-нибудь замять неловкость, отецъ Лука старался разспрашивать Мелетія объ академіи и о томъ городѣ, гдѣ она находится. Мелетій понималъ, почему онъ заговорилъ объ этихъ вещахъ, но обстоятельно отвѣчалъ на всѣ его вопросы.

Прошло минутъ десять, въ передней раздался звонокъ.

— Ну, вотъ и матушка пришла!—сказалъ отецъ Лука, съ выраженіемъ радости, которой не сумѣлъ скрыть.— Вотъ я сейчасъ поговорю съ нею.

Онъ поднялся и вышелъ въ переднюю. Тамъ происходилъ разговоръ вполголоса, и Мелетій не могъ слышать его полностью, но нѣкоторыя слова и восклицанія дошли до его слуха.

— Что? Не можетъ этого быть... Какъ онъ посмѣлъ?...— восклицала матушка.

Отецъ Лука говорилъ что-то совсѣмъ неслышнымъ шепотомъ. На это опять раздавалось восклицаніе матушки.

— Не вижу никакой надобности. Мнѣ съ нимъ не о чемъ говорить!—и въ ея сдержанномъ голосѣ слышалось презрѣніе.

Затѣмъ ушла минута на возраженіе отца Луки, оставшееся для Мелетія тайной. Но, судя по результату, отецъ Лука привелъ сильные резоны, потому что матушка на это отозвалась уже гораздо мягче.

— Ну, да... конечно... но пусть онъ извинитъ. Я не могу передъ нимъ разсыпаться въ любезностяхъ.

Еще десять словъ, сказанныхъ отцомъ Лукою, и затѣмъ окончательное рѣшеніе матушки.

— Хорошо, я приду. Я только зайду на минуту къ себѣ. Мнѣ надо поправить прическу.

Черезъ нѣсколько секундъ отецъ Лука вернулся въ гостиную. Выраженіе лица у него было очень довольное, какъ у человѣка, одержавшаго побѣду.

— Ну, вотъ, моя жена сейчасъ придетъ сюда... такъ ужъ она и рѣшится... Ахъ, знаете, —говорилъ онъ, очевидно для того, чтобы какъ-нибудь наполнить время до прихода матушки.—Женскія дѣла совсѣмъ особыя. Ничего мы въ нихъ не понимаемъ. Иной разъ вмѣшаешься да такъ напутаешь, что потомъ и не радъ. Вотъ, кажется, и жена идетъ... да, да... Вотъ это и есть отецъ Мелетій,—прибавилъ онъ, когда матушка вошла и остановилась на порогѣ.

Мелетій поднялся. Безъ малѣйшаго смущенія, такъ просто, какъ будто только вчера онъ разстался съ нею, онъ двинулся по направленію къ матушкѣ, которая стояла неподвижно, выпрямившись, и смотрѣла на него сухимъ и холоднымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, матушка, —сказалъ Мелетій и ждалъ, что она протянетъ ему руку, но она этого не

сдѣлала. Она только чуть-чуть наклонила голову и отвѣтила:

— Съ удивленіемъ узнала я о такомъ гостѣ.

— Почему же?—воскликнулъ Мелетій.— Я полагаю, что слѣдовало бы удивиться, если бы я, пріѣхавъ въ родной городъ, не былъ вашимъ гостемъ.

— Нѣтъ, я этому меньше удивилась бы, —сказала матушка, но тутъ же вспомнила одно изъ соображеній, высказанныхъ отцомъ Лукою въ передней, и постаралась смягчить свой тонъ.

— Однако, прошу васъ садиться, отецъ Мелетій —такое, кажется, у васъ теперь имя?

— Да, Мелетій, —сказалъ гость, и съ выраженіемъ покорности опустился на свое прежнее мѣсто.

Матушка тоже сѣла и заговорила, страннымъ образомъ переходя въ шуточный и даже слегка насмѣшливый тонъ.

— Признаться, я, хотя и должна, какъ хозяйка, занимать васъ, а прямо-таки не знаю, о чемъ говорить съ вами.

— Нѣтъ, не занимайте меня, матушка, —мягко сказалъ Мелетій.—Если нечего сказать, то и не говорите. Мы вотъ здѣсь съ отцомъ Лукою больше получаса говорили безъ умолка. Но это потому, что у насъ наплось, о чемъ говорить.

— Ну, ужъ навѣрно говорили вы, отецъ Мелетій. Мой Лука не больно мастеръ разсуждать.

— Да, конечно, большею частью отецъ Мелетій говорилъ. Онъ очень умно разсуждаетъ,—замѣтилъ отецъ Лука.—Я просто заслушался.

— На какія же темы?—чуть-чуть насмѣшливо спросила матушка.

— На разные,—отвѣтилъ отецъ Лука.

— Самая главная наша тема была о моемъ желаніи повидаться съ Варварой,—сказалъ Мелетій.

— Съ Варварой?—промовила матушка и сдвинула плечами.— Мнѣ кажется, что моя дочь заслуживаетъ болѣе уважительнаго отношенія, почтенный отецъ Мелетій...

— Въ чемъ же мое неуважительное отношеніе, матушка? Я уважаю вашу дочь болѣе, чѣмъ какого бы то ни было другого человѣка. Иначе... иначе я не пришелъ бы сюда...

— Ее называютъ Варварою Лукинишною...

— Я могу назвать такъ, если это въ вашихъ глазахъ служитъ признакомъ уваженія... Но я думаю, что, называя тѣмъ именемъ, которымъ называлъ, когда она не сомнѣвалась въ моемъ уваженіи, я этимъ самымъ показываю, что мое уваженіе къ ней сохранилось нарушимо.

— Не будемъ спорить, отецъ Мелетій... по видѣться съ моею дочерью вамъ не придется.

— Почему, матушка?

— Потому что она этого не желаетъ.

— Простите мнѣ это сомнѣніе, матушка. Но я думаю, что она еще не успѣла высказать свое желаніе.

— Вы мнѣ не вѣрите? Я говорю вамъ, что знаю ея мнѣніе на этотъ счетъ. Оно твердо и неизмѣнно. Впрочемъ... впрочемъ, чтобы не было сомнѣній, я пойду къ ней и спрошу ее.

Матушка поднялась и вышла. Отецъ Лука, смущенный до послѣдней степени, опять заговорилъ объ особенностяхъ женскаго характера и о томъ, что онъ предпочитаетъ не вмѣшиваться въ женскія дѣла.

И когда Мелетій слушалъ его, то бѣдный іерей, загнанный въ своей домашней жизни, показался ему безконечно жалкимъ человѣкомъ.

Мелетій молча ждалъ возвращенія матушки, а отецъ Лука все говорилъ и говорилъ, и все одно и то же, только въ разныхъ выраженіяхъ.

Наконецъ, послышались шаги, и матушка вошла. Лицо ея было попрежнему строго.

— Ну, вот,—сказала она.—Я не солгала. Варенька рѣшительно, рѣшительно не желаетъ видѣться съ вами.

Отецъ Мелетій поднялся.

— Я больше не смѣю беспокоить васъ. Прошу простить меня. А кромѣ того, еще имѣю къ вамъ одну просьбу: передайте Варварѣ... Лукиничнѣ, что отказъ ея повидаться со мной нисколько не уменьшаетъ моего желанія видѣть ее и говорить съ нею, что это потребность моей души и что это необходимо для нашихъ душъ—моей и ея. Прошу васъ передать ей это. Вы можете пообщать мнѣ это, матушка?

Матушка сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Странное желаніе... но извольте, отецъ Мелетій, я общаю вамъ это...

— Ну, значитъ, это будетъ исполнено!—какъ-то радостно воскликнулъ Мелетій и началъ прощаться.

Онъ опять подошелъ къ отцу Лукѣ, взявъ у него благословеніе и поцѣловалъ ему руку. Опять онъ приблизился къ матушкѣ, какъ бы въ надеждѣ, что и она протянетъ ему руку, но и на этотъ разъ матушка не поступилась своей гордостью. Ему пришлось ограничиться поклономъ.

И онъ вышелъ.

VI.

Прошло дней пять съ того времени, какъ въ губернской городъ пріѣхалъ Мелетій.

Вѣсть о его пріѣздѣ, конечно, очень быстро разнеслась по всѣмъ церковнымъ домамъ, и много было объ этомъ разговоровъ. Особенно заинтересовались этимъ обстоятельствомъ въ квартирахъ болѣе сановитыхъ духовныхъ лицъ, какъ кафедральный протоіерей, ключарь и настоятели разныхъ церквей, между которыми было не мало почтенныхъ протоіереевъ. Говорили объ этомъ и въ консисторіи.

Можно даже сказать, что присутствіе монаха Мелетія вызвало въ этихъ домахъ тревожное волненіе. Не знали, какъ отнестись къ нему и какъ повести себя. Пріѣзжій былъ всего только іеромонахъ—санъ, соответствующій простому священнику, каковыхъ много на свѣтѣ. Отецъ же его былъ только дьяконъ въ пригородѣ, дьяконъ Велегласовъ, котораго всѣ хорошо знали, почтенный человекъ, но очень скромный, не обладавшій никакими талантами и не подававшій уже никакихъ надеждъ.

Эти обстоятельства указывали на то, что отношеніе сановнаго духовенства къ пріѣзжему монаху Мелетію должно бы быть самое спокойное. Пріѣхалъ, поживетъ и уѣдетъ.

Но съ другой стороны—іеромонахъ, конечно, птица не важная, но іеромонахъ онъ академическій. Всего только на третій курсъ перешелъ.

А всѣмъ было хорошо извѣстно, что академическіе монахи далеко ходятъ, что у нихъ и связи, а главное—большая будущность.

Что этотъ самый іеромонахъ, живущій нынѣ въ скромной квартирѣ пригороднаго дьякона, въ церковномъ домѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть, будетъ инспекторомъ семинаріи, потомъ архимандритомъ, ректоромъ, отъ котораго будутъ зависѣть судьбы молодежи всей духовной губерніи, а со временемъ и архіереемъ...

И жутко становилось при мысли, что отношеніе мѣстнаго сановнаго духовенства можетъ его обидѣть.

И въ квартирахъ сановныхъ батюшекъ были сомнѣнія и колебанія. Такимъ образомъ Мелетій, помимо своей воли и даже ничего объ этомъ не зная, былъ причиной мученій.

Но случилось событіе, которое значительно облегчило задачу колеблющихся. Въ концѣ недѣли своего пребыванія—это было въ субботу—Мелетій, наконецъ, надумался пойти къ архіерею.

Онъ не торопился съ этимъ, потому что хотѣлъ доставить какъ можно больше удовольствія своимъ роднымъ и побыть съ ними побольше.

Онъ отправился къ архіерею въ пріемные часы. Въ одиннадцать часовъ утра онъ былъ уже тамъ.

По обыкновенію въ пріемной ждали просители, болѣею частью деревенскіе священники и причетники, и ждали долго, потому что архіерей по утрамъ занимался какими-то епархіальными дѣлами. Изъ его кабинета выбѣгали то келейникъ, то секретарь.

Въ пріемной, кромѣ сѣраго деревенскаго духовенства, были два лица, очень замѣтныя: ректоръ семинаріи—для Мелетія новое лицо, потому что былъ назначенъ уже послѣ окончанія имъ курса, и членъ консисторіи, протоіерей, котораго въ лицо зналъ Мелетій.

Знали ли они его, это ему не было извѣстно. Но къ нему они очень внимательно присматривались и, бесѣдуя между собою вполголоса, часто поднимали на него глаза.

Иногда секретарь подбѣгалъ къ нимъ и то одного, то другого приглашалъ въ кабинетъ архіерея. Но, выйдя изъ кабинета, они все-таки оставались въ пріемной, очевидно, на всякій случай, для справокъ.

Наконецъ, вышелъ архіерей. Мелетій находился въ самомъ дальнемъ углу. Онъ зналъ, что у него нѣтъ собственнаго никакого дѣла къ архіерею, а сѣрые причетники каждый съ большой нуждой—дорожили временемъ. Поэтому онъ не хотѣлъ лѣзть впередъ.

Но архіерей, разумѣется, сразу замѣтилъ его и обратилъ на него вниманіе, такъ какъ фигура его и одежда отличали его.

Минуя всѣхъ просителей, даже сановныхъ, онъ прямо подошелъ къ нему.

Мелетій поклонился по-монашески, доставъ до полу правой рукой, взявъ благословеніе и сказалъ:

— Іеромонахъ Мелетій... пришелъ представиться вашему преосвященству.

— Мелетій? это не бывший ли Велегласовъ?..

— Да, это я.

— Но какъ же я тебя не узналъ? Какъ измѣнили тебя ряса и клобукъ!.. Сердечно радъ видѣть тебя... сердечно радъ... пожалуй, братъ, ко мнѣ... пройди туда... послѣ мы побесѣдуемъ...

Мелетій пошелъ по указанію его черезъ завшенную портьерой дверь и очутился въ той самой небольшой комнатѣ, гдѣ когда-то его отецъ рассказывалъ архіерею о немъ.

Архіерей, совершивъ пріемъ, отпустилъ всѣхъ и вернулся къ нему.

— Ну, ну, Мелетій,—какъ-то необыкновенно радушно и запросто говорилъ архіерей.—Радъ видѣть тебя, братъ и соратникъ. Хорошо, хорошо ты сдѣлалъ. Благо, истинно благо! Это тебя отецъ архимандритъ-инспекторъ, должно-быть, убѣдилъ, а? Онъ краснорѣчивъ, убѣждать умѣетъ... я его знаю. Онъ былъ моимъ ученикомъ, когда я въ академіи профессорствовалъ... хорошо, хорошо это...

Мелетій мягкимъ движеніемъ головы отрицалъ предположеніе архіерея.

— Нѣтъ, ваше превосходительство. Отецъ-инспекторъ меня не убѣждалъ... Онъ считалъ меня безнадежнымъ. А я просто самъ рѣшилъ и сказалъ о своемъ рѣшеніи.

И полилась у нихъ бесѣда. Архіерей искренно и какъ-то по дѣтски обрадовался Мелетію. Онъ напомнилъ ему его монашескую молодость.

Онъ заговорилъ о своихъ юныхъ годахъ, когда онъ былъ вотъ точно такимъ, только-что посвященнымъ студентомъ-іеромонахомъ, вспоминалъ всю свою карьеру—трудную, разнообразную, полную движенія. Какъ онъ проходилъ педагогическую службу, кочуя въ качествѣ инспектора и ректора по семинаріямъ и академіямъ, какъ потомъ былъ посланъ въ далекую чужую страну въ качествѣ миссіонера и какъ, уже получивъ архіерейство, переѣзжалъ изъ губерніи въ губернію, по назначенію синода.

Ты прощень... Картина П. Вагнера, грав. Фальшсерь.

Презрѣнная Китайщина.

(Отъ нашего спеціального корреспондента. Съ 8 его фотограф. снимками на стр. 913, 914, 915 и 916).

Магазины серебряныхъ издѣлій имѣютъ очень оригинальную вывѣску: на улицѣ выставляется на столѣ рѣзная миниатюрная пагода въ видѣ башенки (см. фотогр.). Въ Мукденѣ передъ такими же магазинами ставятъ на небольшомъ пьедесталѣ рѣзную сундукъ. И то, и другое раскрашено пестрыми красками и мѣстами позолочено.

Генераль-маіоръ Лешъ, награжденный за отличіе въ дѣлахъ противъ японцевъ орденомъ св. Георгія, св. Владимира 4-й и 3-ей степ. и чиномъ генерала.

Мы съ Ваномъ обошли нѣсколько магазиновъ, но нигдѣ не нашли готовыхъ вещей. Вездѣ кипитъ работа: китайцы-мастера, сидя на канахъ передъ низенькими столиками, палютъ, чеканятъ, точатъ, исполняя многочисленныя заказы, и совершенно не успѣваютъ приготовить вещей для продажи, хотя на это есть постоянное требованіе.

На улицѣ къ намъ присоединилась цѣлая толпа мальчишекъ, шумно предлагавшихъ понести вещи, хотя еще ни одной вещи не

было куплено. У нѣкоторыхъ въ рукахъ были корзины.

Зашли въ магазинъ платя и шелку. Цѣны вездѣ непомѣрные. Китайцы увѣрены, что «русскій капитанъ шибко богатый есть» или вѣрнѣе «шибко расточительный есть», и берутъ цѣны, какія имъ вздумается. Женскіе халаты, которые особенно много покупаются русскими, продаваемые китайцами своимъ за двадцать-тридцать рублей, уступаются нашимъ за шестьдесятъ и сто рублей. Много, такимъ образомъ, оставлено было русскихъ денегъ въ Тяньцзинѣ, Мукденѣ, Ляоянѣ и Артурѣ.

Теперь въ Мукденѣ и Тяньцзинѣ, какъ сообщаютъ китайцы, предпримчивыми японцами заготовлены громадныя запасы товаровъ, которые, какъ только возстановится сквозное сообщеніе Китайской дороги, хлынуть къ намъ и будутъ тутъ жадно раскупаться нашей манчжурской публикой.

На дняхъ въ Харбинѣ въ одномъ ресторанѣ офицеры заставили замолчать оркестръ, заигравшій «Гейшу». Если это и патриотизмъ, то очень маленкій. Между тѣмъ, было бы гораздо серьезнѣе, если бы нашелся вліятельный голосъ, объяснившій «шибко богатымъ русскимъ», что наплывомъ японскихъ товаровъ послѣ боевыхъ атакъ начнутся атаки экономическія. Что, официально отстоявъ вопросъ о контрибуціи въ Портсмутѣ, мы, платя японцамъ деньги за вещи совершенно намъ ненужныя, добровольно будемъ имъ платить неофициальную контрибуцію.

Что касается расчетливыхъ и «шибко бѣдныхъ» японцевъ, то сами они это очень хорошо понимаютъ. Уже съ сентября мѣсяца въ Гундзулинѣ и Харбинѣ стали продаваться японскія вещи, Богъ вѣсть какими путями сюда проникшія. О цѣнахъ на эти никому ненужныя товары нельзя не упомянуть.

Японскій зонтикъ съ деревянной основой и кусочкомъ плохого шелка, стоившій въ Артурѣ до войны 2 рубля, а въ Нагаса-

кахъ 1 руб. 25 коп.,—въ Гундзулинѣ теперь продавался за *шестнадцать рублей*. Портсигаръ слоновой кости, стоившій двѣнадцать—пятнадцать рублей—за *девятью* рублей... безъ уступки. И между «шибко богатыми русскими капитанами»... находятся покупатели.

Офицеры штаба тыла въ Харбинѣ съ восторгомъ говорятъ:

— Подождите уѣзжать... у насъ получено извѣстіе, что на Бодунѣ черезъ Монголію идутъ громадныя транспорты японскихъ товаровъ...

Какъ было бы странно, чтобы не сказать болѣе, если бы эта восторженная фраза говорилась въ упрощенномъ практическомъ переводѣ:

— Подождите уѣзжать... скоро будемъ платить японцамъ контрибуцію.

И услужливые японцы торопятся изо всей мочи. Они не хотятъ дожидаться прямого сообщенія и везутъ свои товары дорогимъ и опаснымъ путемъ подъ конвоемъ черезъ Монголію.

Куанчендзы. Вывѣска передъ магазиномъ серебряныхъ издѣлій и торговца башмаками.

Въ каждой квартирѣ русскаго въ Манчжуріи можно найти цѣлую коллекцію японскихъ вещей. И въ русской квартирѣ ихъ больше, чѣмъ въ любомъ домѣ въ самой Японіи. Въ Нагасакахъ существуютъ магазины вещей, которыхъ вы не встрѣтите въ обиходѣ японской жизни. Это, во-первыхъ, потому, что японцы, какъ увѣряютъ, «шибко бѣдны», а во-вторыхъ потому, что онѣ имъ совершенно не нужны. Да и едва ли онѣ нужны кому-нибудь на свѣтѣ. И всѣ эти товары изготовляются спеціально для русскихъ.

Войдите въ квартиру манчжурскаго обывателя: тростниковая мебель—стулики, столики, кресельца, этажерочки, полочки, на которыхъ разставлены коробочки, статуэтки, флаконы, игры, игрушки, къ которымъ никто не прикасается, изъ дерева, рога, слоновой кости, эмали. По стѣнамъ безчисленныя вѣера, по угламъ ширмочки. И хотя на тростниковую мебель садиться нельзя, потому что она разсыпается и уже вся перевязана веревками, въ ожиданіи быть выброшенной взамѣнъ новой, хоти тоненькія японскія чашечки разставлены на полкахъ и этажеркахъ единственно для красоты и изъ нихъ не пьютъ, потому что они бьются—все это производитъ впечатлѣніе хорошенькой выставки игрушекъ.

Отчего не имѣть хотя и ненужныхъ, но пзщныхъ вещей, когда на это есть лишнія деньги и когда въ домѣ есть все необходимое.

Но если вы заглянете въ кухню, то увидите, что денчикъ или бойка-китаецъ готовить господамъ пищу въ жестянкахъ изъ-подъ керосина...

Когда японцы поближе узнаютъ наше хозяйство, то, конечно, они, какъ добрые сосѣди, не замедлятъ снаб-

Куанчендзы. Чайный магазинъ.

Куанчендзы.

жать настъ кастрюлями, сковородами и самоварами собственного издѣлія.

Каждый русскій офицеръ въ Манчуріи сразу отличитъ японское плазозно отъ китайскаго, японскій фарфоръ отъ китайскаго, но не сумѣетъ отличить японскаго офицера отъ солдата, не знаетъ ни одного японскаго слова и станетъ втупикъ, если его спросятъ, имѣются ли въ японскихъ войскахъ знамена.

А живя полгода въ китайской деревнѣ, онъ не только не знаетъ, но даже не интересуется, кто окружаетъ его—друзья или враги?

Что можетъ быть интереснѣе жизни чужого народа, и именно такой жизни, которая почти цѣлкомъ протекаетъ на улицѣ. Проходя по китайскому городу, не видишь только семейной жизни, а вся торговля, производство, работы происходятъ открыто.

Но даже и семейная жизнь закрыта только стѣнами. Въ настоящее время нѣтъ такихъ законовъ и постановленій, которые бы ее защищали, по крайней мѣрѣ, отъ русскихъ. Вы можете войти въ любой частный домъ, развалиться на канѣ и потребовать чаю. Хозяинъ съ улыбкой будетъ ухаживать за вами, потому что онъ беззащитенъ и долженъ повиноваться. Къ этому его приучила война. Русскіе офицеры, съ легкимъ сердцемъ пользующіеся этимъ правомъ военной силы, не хотятъ понять всего трагизма этого положенія.

У четырехсотмилліоннаго народа такое униженіе можетъ быть только ненормальнымъ и временнымъ.

И нужно считаться съ затаеннымъ чувствомъ этого колоссальнаго и только временно беззащитнаго народа.

Картины жизни китайскаго города не богаты красками. Весь колоритъ однообразно сѣрый и даже черный. Немощеная почва улицы черная, вывѣски въ видѣ доски черныя съ золотыми надписями, стѣны домовъ сѣрыя, костюмы черные или темносиніе. Только высокія рѣзныя вывѣски съ изображениями драконовъ раскрашены разными цвѣтами.

Но какое разнообразіе типовъ и сценъ!

Вотъ на землѣ сидитъ на корточкахъ зубной врачъ. Передъ нимъ разостланъ коврикъ, на которомъ въ чашечкахъ размѣщены разныя лѣкарства, а въ одной большой чашкѣ цѣлая груда зубовъ, выдернутыхъ у пациентовъ безъ помощи щипцовъ, одними пальцами. Эти зубы сохраняются, свидѣтельствуя объ обширности практики врача, и служатъ ему рекламой.

Рядомъ съ нимъ помѣстился оракулъ. Онъ сидитъ за столикомъ. Его поза неподвижна, его взглядъ тоже. Онъ важенъ, молчаливъ и сосредоточенъ, какъ и подобаетъ оракулу.

Ванъ объясняетъ мнѣ, что каждый китаецъ, предпринимая какое-нибудь дѣло, непременно прежде посоветуется съ оракуломъ. Если онъ покупаетъ домъ или мѣсто для постройки, то прежде узнаетъ, хорошо ли ему будетъ житься на новомъ мѣстѣ.

Если у кого-нибудь приключилась пропашка, то опять-таки идутъ къ оракулу, который за нѣсколько чоховъ укажетъ вора.

Но бываетъ, что оракулъ, несмотря на всю свою ученость, все-таки ошибается. Тогда идутъ въ кумирню и обращаются къ божеству, специально вѣдающему эти дѣла.

Въ одномъ монастырѣ въ Фушунѣ я видѣлъ такого бога. Онъ стоитъ въ кумирнѣ въ ряду съ другими божевами разныхъ специальностей. Переводчикъ, который

мнѣ ихъ показывалъ, довольно хорошо говорилъ по-русски. Онъ называлъ боговъ «управляющими» или «завѣдующими».

— Вотъ это, — говорилъ онъ: — завѣдующій дождями. Вотъ это управляющій войскомъ и войной; это — управляющій флотомъ, а это управляющій ворами...

Такой богъ, какъ и всѣ остальные боги, могъ бы отвѣчать на вопросы, если бы захотѣлъ, но онъ не хочетъ. Поэтому молящійся, который припадаетъ къ нему съ просьбой отыскать вора, получаетъ отвѣты при посредствѣ монаха. Эти служители кумиренъ такъ близко стоятъ къ божевамъ, что легко узнаютъ всѣ ихъ мысли.

Не знаю, хорошо ли этотъ богъ управлялъ своимъ вѣдомствомъ, но выраженіе его узкихъ глазъ было очень хитрое и самонадѣянное.

Ванъ таинственно сказалъ мнѣ, что такъ какъ я хочу ѣхать въ Россію, то мнѣ необходимо погадать.

Мы подошли къ столику, при чемъ оракулъ не шелохнулся и сквозь меня продолжалъ смотрѣть на другую сторону улицы, точно и былъ для него оконнымъ стекломъ.

Я запретилъ Вану что-нибудь говорить ему въ избѣжаніе подготовки, и началъ трясти круглую высокую коробочку съ чохами, которые затѣмъ выбросилъ на столъ. Это пришлось повторить шесть разъ.

Оракулъ каждый разъ дѣлалъ отмѣтки кистью на бумагѣ. Затѣмъ порылся въ лежащей тутъ же книгѣ, изъ шести знаковъ сдѣлалъ одинъ общій выводъ и объявилъ, что я ѣду на сѣверъ.

Получивъ отвѣтъ, что его слова есть сама истина, оракулъ остался очень доволенъ и въ первый разъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Но чтобы не портить удачнаго начала, онъ дальше не рискнулъ угадывать, а черезъ Вана спросилъ о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ.

Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ Петербургъ, онъ пришелъ въ недоумѣніе. Несмотря на его ученость, этотъ городъ былъ для него совершенно неизвѣстенъ. Переводчикъ о такомъ городѣ тоже никогда не слышалъ, но послѣ долгихъ совмѣстныхъ объясненій оказалось, что ученость оракула тутъ ни при чемъ, а виновать я, такъ какъ неправильно назвалъ столицу Россійской имперіи.

Она называется Бейдзинъ, т. е. Пекинъ, не китайскій Пекинъ, а русскій.

Послѣ исправленія этой ошибки началось предсказаніе.

Оракулъ порылся въ книгѣ, посмотрѣлъ на записи и наконецъ передалъ Вану свое рѣшеніе.

— Можно ѣхать! — радостно объявилъ Ванъ, весьма довольный за мою участь.

Такое разрѣшеніе было для меня въ высшей степени пріятно, такъ какъ возвращенія въ Россію я ожидалъ со дня на день.

Далѣе оракулъ мнѣ строго запретилъ ѣхать на югъ вмѣсто того, чтобы ѣхать на сѣверъ. День отъѣзда въ Россію предоставилъ на мое усмотрѣніе, но предупредилъ, что день долженъ быть непременно солнечный и время не позже пяти часовъ. Если я выѣду вечеромъ или, что еще хуже, ночью, то меня ожидаетъ большое несчастье. Избѣжать этого невозможно, такъ какъ объ этомъ ясно говорится въ его книгѣ.

Кромѣ того поставилъ непремѣннымъ условіемъ сѣсть въ вагонъ лицомъ впередъ и ѣхать по желѣзной дорогѣ. Ѣхать же девять тысячъ верстъ на лошадахъ или идти пѣшкомъ запретилъ безусловно.

Если я все это исполню, то доберусь до Бейдзина благополучно, жить буду очень долго и буду имѣть «шибко много денегъ»...

Внутренній дворъ китайскаго дома.

На этомъ предсказаніе окончилось. Вокругъ собралась толпа любопытныхъ, человекъ въ тридцать. При дальнѣйшемъ нашемъ движеніи многіе изъ толпы сопутствовали намъ и вмѣстѣ входили въ магазины.

Зашли купить чаю. Чайные магазины, какъ я замѣтилъ, всегда помѣщаются въ закрытыхъ домахъ, т. е. съ наружными стѣнами. Всѣ остальные магазины имѣютъ видъ балконовъ, открытых на улицу.

Сортировка чаю у китайцевъ совсѣмъ не то, что у насъ. У нихъ распространенъ зеленый, цвѣтной чай. Онъ бываетъ разныхъ цвѣтовъ, начиная отъ самаго дешеваго. Черный же чай они совершенно не употребляютъ и называютъ его «русскимъ чаемъ».

Чтобы избавить меня отъ толпы любопытныхъ, хозяйинъ магазина пригласилъ меня къ себѣ въ квартиру, помѣщавшуюся сзади магазина. Тутъ же маленький дворикъ, весь заставленный цвѣтами и растениями и клѣтками съ птицами. То и другое китайцы очень любятъ.

Въ квартирѣ, съ очень чистой и богатой обстановкой, хозяйинъ познакомилъ меня со всѣми родственниками мужского пола и велѣлъ заварить кипятокъ, чтобы дать мнѣ попробовать всѣ кушленные мною сорта чая.

За чаемъ поговорили о мирѣ, причѣмъ хозяйинъ очень интересовался, какое начальство будетъ стоять въ Куанчандахъ — русское или японское.

Ванъ сразу сдѣлалъ своимъ человекомъ въ дѣлѣ, пошелъ въ кухню и, вернувшись оттуда, таинственно сообщилъ мнѣ, что для русскаго гостя готовится угощеніе и нарочно жаривается утка.

Это задерживало мое путешествіе по городу, и я поспѣшилъ уйти, несмотря на усиленные упрощиванія любезнаго и хлѣбосольнаго хозяйина.

Проходя отъ магазина къ магазину, мы дошли до переулка, откуда пахнуло запахомъ опиума. Я велѣлъ Вану провести меня въ помѣщеніе, гдѣ собираются курильщики, и мы вошли черезъ сѣни дома въ длинную узкую комнату съ каномъ по всему ея протяженію. На немъ лежали курильщики, большую часть бѣдно одѣтые рабочіе, которые, не имѣя своего постоянного дѣла, не могутъ таскать съ собою сложный курительный приборъ. Но былъ и одинъ прилично одѣтый китаецъ, который, очевидно, не могъ дожидаться возвращенія домой и по дорогѣ зашелъ сюда выкурить трубку.

Для привычныхъ курильщиковъ это становится до такой степени необходимымъ, что, когда подходит время выкурить трубку, человекъ теряетъ расположеніе духа, не можетъ ни думать, ни разговаривать, ни работать, пока не удовлетворитъ своей потребности.

Въ концѣ длиннаго кана въ темномъ углу лежалъ старикъ съ трубкой во рту. Ловкими и привычными движеніями пальцевъ онъ мялъ и протыкалъ иглой кипящую массу опиума. На бронзовомъ листѣ его было написано блаженство. Около него, прислонившись къ стѣнѣ спиной и обнявъ руками колѣни, сидѣлъ молодой китаецъ, неподвижный и унылый.

Хозяйинъ заведенія сейчасъ же велѣлъ молодому китайцу сойти съ кана и сверху циновки поесталъ на канѣ рядомъ со старикомъ красный коврикъ и подожилъ красную подушку въ видѣ тумбы. Это предназначалось для меня, хотя я пришелъ сюда вовсе не для куренья.

Но, чтобы не смущать публику, приходилось съ этого начать. Вмѣсто того, чтобы лечь на лѣвый бокъ и видѣть спину сосѣда, я легъ на правый. Такъ какъ въ этомъ положеніи заправлять трубку самому неудобно, то Ванъ сталъ мнѣ помогать.

Съ этимъ дѣломъ умѣть справиться каждый китаецъ, начиная съ дѣтскаго возраста, когда приходится помогать старшимъ курильщикамъ въ семьѣ.

Молодой китаецъ сѣлъ на краю кана и заговорилъ съ моимъ переводчикомъ. Послѣ длиннаго разговора между ними, Ванъ передалъ мнѣ его слова.

— Этотъ человекъ спрашиваетъ: можетъ, капитанъ знаетъ, скоро въ Мукденъ можно ѣхать?

— А онъ откуда?

— Такъ точно, оттуда. Изъ деревни Падяза. У него тамъ земля. Его домъ сожгли, когда была мукденская война. Его братика хотѣли застрѣлить русскіе. Они думали, что онъ японскій шпионъ. А онъ былъ смиренный манза, а не шпионъ. Ночью онъ убѣжалъ отъ русскихъ солдатъ и пошелъ къ японцамъ. А японцы сказали, что онъ русскій шпионъ, и застрѣлили его...

— А это его отецъ?

— Такъ точно, это его тятка. Еще есть сестра, которая съ мамкой и старымъ братикомъ тятки уѣхала на арбѣ, когда началась мукденская война. Теперь они не знаютъ, въ какой деревнѣ живутъ мамка и сестра. Они ходили искать во всѣ стороны и не нашли. Вѣрно, ихъ убили солдаты.

— Какіе солдаты?

— Все равно, какіе солдаты. И русскіе солдаты убиваютъ, и японскіе солдаты убиваютъ. Китайскіе люди не знаютъ, кого слушать. Худо жить китайскимъ людямъ...

Старый китаецъ не слышалъ разговора между сыномъ и моимъ переводчикомъ. Пары опиума заслонили отъ него печальную действительность. По его блаженной улыбкѣ видно было, что воображеніе рисовало ему картины, ничего общаго съ этою действительностью не имѣющія. Можетъ-быть, картины прошлаго—до войны, даже до волненія девятисотата года, когда онъ былъ хозяиномъ на своей землѣ, и воинственные чужеземцы не топтали его поля, на которыхъ протекла его тихая жизнь. Каждая грядка, смоченная каплями его пота, была знакома ему, и ничто въ мирѣ, кромѣ этихъ грядокъ, на которыхъ неутомимо, какъ муравьи, изъ года въ годъ, копошилась его семья, для него не существовало. Онъ не интересовался ни политикой, ни заморскими проповѣдниками новой религіи, и вся жизнь его поглощалась трудомъ надъ своимъ муравейникомъ... Но вотъ чья-то желая нога наступила на этотъ муравейникъ, разорила плоды трудовъ его и его семьи и заставила ихъ разбѣжаться, спасая свою жизнь. Онъ живетъ теперь вдали отъ своего гнѣзда, но его неудержимо тянетъ къ своимъ роднымъ гаоляновымъ и чумизнымъ полямъ, и какъ только настанетъ желанный часъ, онъ безъ копейки денегъ, обнищавый и оборванный, проберется туда, броситъ взглядъ на разбитую снарядами и разграбленную фанзу и, какъ муравей, опять, толкаемый вѣковымъ инстинктомъ къ труду, перешедшимъ къ нему отъ отцовъ и дѣдовъ, неутомимо примется восстанавливать разоренное хозяйство...

А можетъ-быть, онъ, какъ во снѣ, видитъ картины будущаго? Но для него это будущее можетъ быть только сномъ. Онъ не увидитъ, какъ его родина, потрясенная событіями послѣднихъ лѣтъ, проснется для сознанія, что кромѣ труда для народа нужна сплоченная общая сила, что у его народа есть врагъ, который самъ же потревожилъ этотъ мирный муравейникъ, и что съ этимъ врагомъ надо бороться. Можетъ-быть, онъ, какъ во снѣ, видитъ, что эта борьба для его народа не только возможна, но даже опасна для врага, который, противъ его желанія, вызвалъ на эту борьбу.

Молодой китаецъ сталъ звать отца.

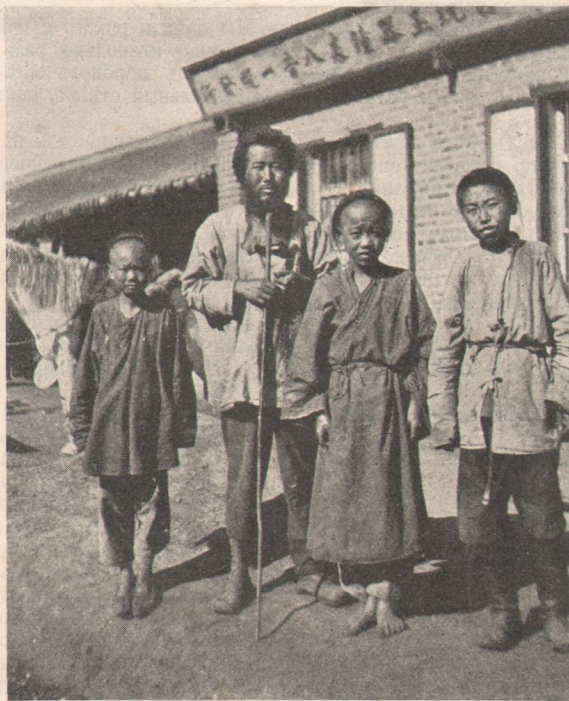
Я воспользовался послѣдней минутой и черезъ Вану велѣлъ передать старикку, что я заплачу за его курень, если онъ позволитъ мнѣ сдѣлать съ него снимокъ.

Старикъ согласился бы на это даже безъ всякаго условія, а въ данномъ случаѣ былъ весьма доволенъ. Снимокъ былъ сдѣланъ, и мы вышли на свѣжій воздухъ.

На улицѣ уже ложились длинные тѣни. На углу переулка насъ остановила толпа. Посреди нея стоялъ молодой китаецъ и, размахивая листкомъ бумаги, громко что-то говорилъ окружающимъ. Это былъ докторъ, продававшій лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Это лѣкарство состояло изъ пластыря, заключеннаго между двумя листками бумаги, которые въ видѣ пачекъ лежали на коврикѣ у его ногъ. Этотъ докторъ, хотя очевидно и былъ шарлатаномъ, что допускается во врачебныхъ профессіяхъ всѣхъ странъ и народовъ, но его преимущество заключалось по крайней мѣрѣ въ томъ, что онъ не кормилъ своихъ пациентовъ внутренними средствами.

Далѣе мы нагнулись на другую сцену, весьма обычную въ китайскихъ городахъ. Тѣсная толпа собралась вокругъ фокусника. Китайскіе фокусники, какъ вообще артисты этого рода на Востоку, далеко ушли впередъ отъ такихъ же артистовъ Запада. Всѣ его приборы и обстановка до крайности просты. Онъ производитъ свои фокусы на голой землѣ, окруженный людьми со всѣхъ сторонъ, и самъ почти обнаженный.

Этотъ фокусникъ былъ старикъ и притомъ настолько слабый, что едва передвигалъ ноги. Одинъ изъ его фокусовъ былъ очень интересенъ. Онъ бралъ трость гаоляна, плотно прикладывая ея къ обнаженной груди и сильными ударами острой сабли отрубалъ отъ нея куски. Такимъ образомъ онъ искрошилъ нѣсколько палокъ. Толпа выражала свое одобреніе возгласами «хау!» Одинъ изъ зрителей взялъ у него саблю—она оказалась отточенной, какъ бритва, и попробовалъ перерубить такую же трость на землѣ. Но при каждомъ ударѣ трость получала расщепы, надламывалась, но не

Нидцй китаецъ-христіанинъ.

перерубалась. Только послѣ очень сильнаго удара она была перерублена на чисто, но зато сама сабля глубоко врылась въ землю...

Мы пошли дальше. Намъ оставалось зайти въ одну общественную чайную, по совѣту хозяина чайнаго магазина. Онъ говорилъ, что я увижу тамъ человѣка, который хорошо рассказываетъ китайскія сказки.

Когда мы, отыскавъ эту чайную, вошли въ низенькія отворенныя двери, она было полна народу. На насъ никто не обратилъ вниманія, и мы незамѣтно, за спинами сидѣвшихъ и стоявшихъ, пробрались въ уголокъ, гдѣ на концѣ длинной скамейки оставалось свободное мѣсто. Все вниманіе толпы было обращено къ одному центру. У стѣны за высокимъ столомъ въ видѣ каедръ сидѣлъ пожилой бритый и худощавый китаецъ и что-то рассказывалъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ сложенный вѣеръ и красивыми энергичными жестами дополнял свою рѣчь. По плавности и увѣренности этой рѣчи, по сильному выразительному голосу и по тому напряженному вниманію, которымъ онъ привлекалъ къ себѣ слушателей, видно было, что это талантливый рассказчикъ.

Въ толпѣ то раздавался смѣхъ, то лица становились серьезными; слышались сдержанные возгласы «хау!.. хау!..» (браво!) Узкіе глаза раскрылись и блестяли, а рты, которые китайцы и вообще любятъ держать открытыми, раскрылись до наивности.

Рассказчикъ между прочимъ въ свою рѣчь вставлялъ звукоподражанія. Онъ очень удачно подражалъ свисту пули и вою гранатъ, изображалъ плачь и придавалъ своему гибкому голосу выраженіе дикой страсти, скрипѣлъ зубами и нѣсколько разъ я услышалъ слово «шанъ».

Все это было мало похоже на сказку. Смыслъ рѣчи оратора я рѣшилъ узнать потомъ отъ моего переводчика, который теперь до того увлекся этой рѣчью, что забылъ о моемъ существованіи.

Наконецъ рассказчикъ умолкъ. Къ его каедрѣ стали подходить нѣкоторые слушатели и класть къ нему на столъ мелкія монеты. Одинъ степенный китаецъ, сидѣвшій впереди, вѣроятно щедро наградилъ его, потому что онъ въ отвѣтъ на это поднялся и нѣсколько разъ присѣлъ. Степенный старикъ остановился и сталъ съ нимъ бесѣдовать.

Я велѣлъ Вану передать рассказчику нѣсколько мелкихъ монетъ и вышелъ изъ чайной. Публика повидимому только теперь замѣтила русскаго гостя.

— Ну, переведи мнѣ, что онъ тамъ рассказывалъ,—спросилъ я у Вана, когда онъ догналъ меня.

— Много говорилъ, я не умѣю сказать по-русски. Про война говорилъ, еще много говорилъ.

— Про японцевъ говорилъ?

— Говорилъ.

— Про русскіихъ говорилъ?

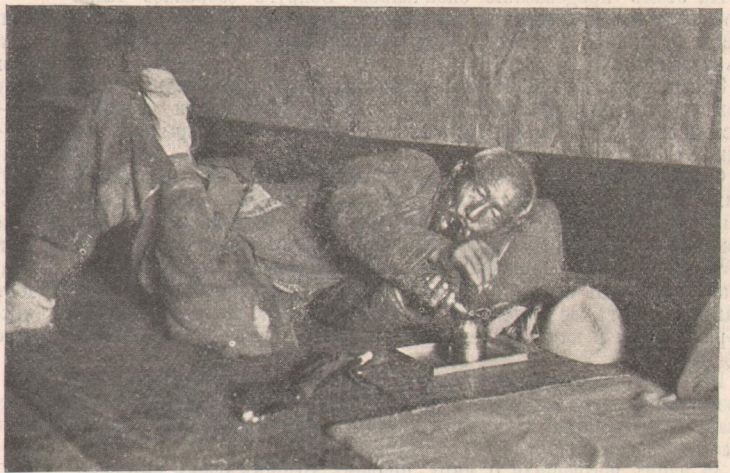
— Тоже говорилъ.

— Что же онъ говорилъ?

— Капитанъ будетъ сердиса...

— Не буду сердиться. Расскажи, какъ умѣешь.

У Вана неоставало знанія многихъ словъ, чтобы передать сложную рѣчь рассказчика, но и изъ этихъ немногихъ словъ можно было догадаться о ея содержаніи, и... странная вещь—смыслъ ея былъ тотъ же, что и разговоръ молодого китаецъ съ моимъ переводчикомъ въ курилкѣ, дополненный тѣми мыслями, которыя пришли мнѣ въ голову при наблюденіи за старымъ курильщикомъ опиума...

Курильщикъ опиума.

Мы наняли рикшъ и поѣхали на станцію. По приѣздѣ въ вагонъ Ванъ еще нѣсколько разъ спросилъ у меня, не сержусь ли я на то, что онъ перевелъ мнѣ повѣствованіе рассказчика, и, на мой отрицательный отвѣтъ, какъ бы недовѣрчиво заглядывалъ мнѣ въ глаза.

Вечеромъ мы прошли на станцію. И здѣсь Ванъ, все еще раскаиваясь въ своей откровенности, какъ только видѣлъ идущаго намъ навстрѣчу жандарма или офицера, замедлялъ шаги, боясь, какъ онъ мнѣ потомъ признался, что я передамъ его въ руки военныхъ властей.

На станціи я встрѣтилъ вчерашняго офицера. Онъ долженъ былъ уѣхать на югъ, но опоздалъ на почтовый поѣздъ и теперь ждалъ воинскаго.

Увидѣвъ Вана и посмѣявшись надъ его фигурой въ европейской шляпѣ и въ хаки, онъ спросилъ:

— Эта обезьяна еще не обокрала васъ?

— Нѣтъ еще... А вашъ солдатъ еще не возвратился?

— Представьте, нѣтъ. Ну, да чортъ съ нимъ... Вѣрно, по дорогѣ напился пьянъ и его забрала...

— Былъ... Думаю завтра сѣздить еще разъ.

— Да что тамъ интереснаго?... Кромѣ пыли и грязи ничего нѣтъ...

Разставившись съ офицеромъ, мы съ Ваномъ пошли въ вагонъ. Чтобы не таскаться ночью въ деревню, онъ просилъ разрѣшенія переночевать въ вагонѣ, гдѣ имѣлась одна лишняя койка. Получивъ разрѣшеніе, онъ былъ весьма доволенъ, но его смущало, что онъ будетъ спать въ одномъ отдѣленіи съ «капитаномъ», и присматривалъ себѣ мѣсто въ отдѣленіи проводника. Но тутъ было такъ тѣсно, что, лежа на полу, онъ не могъ бы даже вытянуть ноги.

Ванъ сразу привязался ко мнѣ и каждую минуту искалъ случая, чѣмъ бы мнѣ угодить. Когда я легъ спать, онъ долго возился, подпихивая подъ меня край одеяла, поправлялъ подушку и даже поворачивалъ своими руками мою голову, желая обставить меня всевозможными удобствами. Затѣмъ сѣлъ на предназначенную для него койку, долго ждалъ, пока я усну, хотя самъ клевалъ носомъ, и наконецъ раздѣлся и легъ только тогда, когда рѣшилъ, что я уже сплю.

Но и ночью онъ неожиданно вскакивалъ и будилъ меня своими услугами, опять поправляя одеяло и подушки и, видя меня проснувшимся, заботливо спрашивалъ: «зачѣмъ капитанъ не спитъ?»—и опять сидѣлъ на койкѣ и ждалъ, пока я усну.

На другой день онъ проснулся очень рано. Проводникъ еще спалъ. Ванъ наколотъ щепокъ для самовара, сходилъ за водой, послѣ чего принялся за уборку моего отдѣленія. Это заняло у него часа три времени, но зато онъ перетеръ и перечистилъ все, начиная отъ сапогъ и кончая биноклемъ, въ который онъ черезъ окно вагона долго любовался на окрестности...

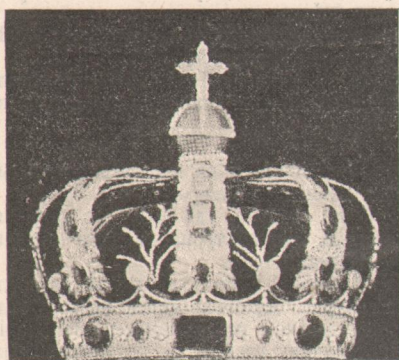
Въ десять часовъ мы опять отправились въ городъ, но уже не въ фудтункѣ, а на рикшахъ. На этотъ разъ въ городѣ Ванъ сводилъ меня къ какому-то своему родственнику, имѣвшему маленькій посудный магазинъ. Этотъ родственникъ лицомъ напоминалъ нѣмецкаго актера, по-русски не понималъ и сначала встрѣтилъ меня довольно сдержанно, но послѣ рекомендаціи Вана сразу перемѣнился, сталъ необыкновенно услужливъ и даже познакомилъ меня со своей женой, которую, однако, давъ намъ три секунды для молчаливаго рукопожатія, сейчасъ же выпроводилъ обратно. Два его сына, семи и восьми лѣтъ, достали откуда-то обрывокъ «Вѣстника Манчжурскихъ армій», чтобы похвастаться передо мною знаніемъ нѣсколькихъ русскіихъ буквъ и чтобы съ моею помощью расширить свои познанія.

Здѣсь же я пообѣдалъ лапшой и курицей, которую китайцы умѣютъ отлично жарить и подаютъ безъ костей, какъ и всѣ мясныя и рыбныя блюда. Употребленіе китайцами при ѣдѣ палочекъ становится понятнымъ, если сказать, что всѣ кушанья подаются кусочками и совершенно готовыми, чтобы положить въ ротъ, не требуя ни ножей, ни остроконечныхъ вилокъ.

Китайскій фокусникъ.

Корона королевы Норвегии.

Корона короля Норвегии.

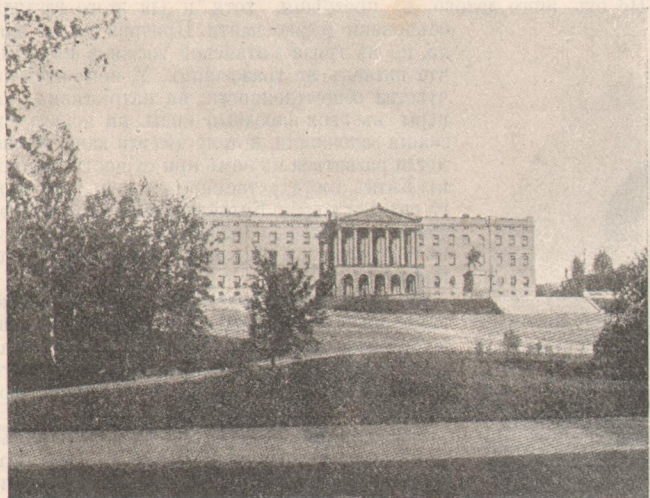
Корона наследного принца Норвегии.

Послѣ обѣда хозяинъ самъ подаль чай, оказавшійся отличнымъ на вкусъ и который онъ въ видѣ рѣдкости рекомендовалъ, какъ «русска ча».

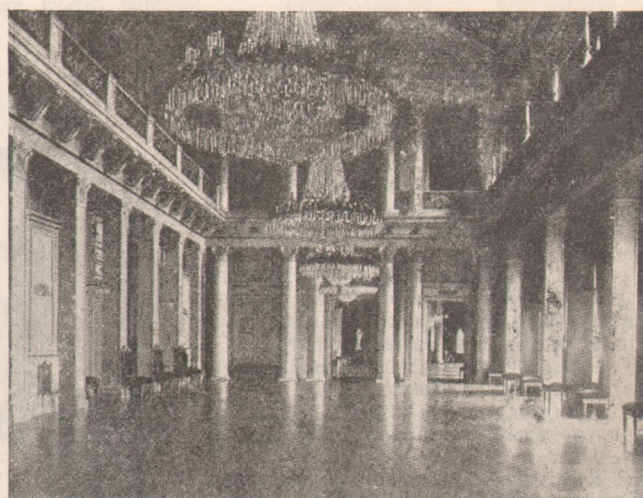
Въ заключеніе, хозяинъ, черезъ Вана, сказалъ, что онъ очень счастливъ видѣть у себя гостей русскаго капитана и при томъ такого капитана, который не бьетъ китайскихъ людей, не дергаетъ

скія—слесарныя, сапожныя, шапочныя и другія—и дѣлая фотографическія снимки.

Вечеромъ мы вернулись домой еще позже, чѣмъ наканунѣ. У Вана въ рукахъ оказались какіе-то свертки, которые онъ притащилъ въ вагонъ и разложилъ на столѣ. Это были китайскія пирожныя, засахаренныя орѣхи, красныя какъ кораллы засахаренныя

Общій видъ дворца.

Парадный залъ.

ихъ за косы и за все платить деньги. Въ награду за эти высокія качества онъ поднесъ мнѣ кусокъ атласу, вышитаго разноцвѣтными шелками, прибавивъ, что это работа его жены. Отдарить мнѣ его было нечѣмъ, а отъ денегъ онъ отказался наотрѣзъ. Не принять же подарка, по разьяненію Вана, значило, что капитанъ только притворяется, что онъ любитъ китайскихъ людей, и ходитъ между ними, чтобы подслушать ихъ разговоры и донести начальству.

Весь день мы съ Ваномъ ходили по городу, осматривая мастер-

яблочки, нанизанныя на деревянныя спицы, и другія сласти. Это онъ купилъ для меня.

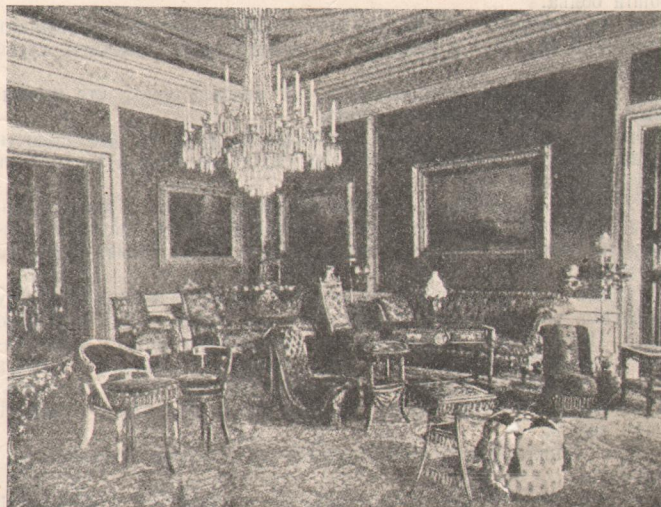
Мы напились чаю вмѣстѣ по-приятельски, послѣ чего оставалось расчитаться съ нимъ и отпустить съ миромъ.

Но это оказалось не такъ-то легко.

Кромѣ денегъ за услуги я подарилъ ему за пирожное шляпу, которая ему очень нравилась, хотя сильно его безобразила, но онъ точно имѣлъ въ виду что-то другое.

Гостиная королевы.

Гостиная короля.

Королевскій дворецъ въ Христіаніи.

Н. Н. Кутлеръ, назначенный главно управляющимъ землеустройствомъ и земледѣлемъ.

Вмѣсто того чтобы идти домой, онъ опять попросился поехать въ вагонъ, прибавивъ, что завтра намъ нужно ѣхать въ деревню, чтобы показать капитана его отцу. Ночевать я ему позволилъ, но предупредилъ, что въ деревню я съ нимъ не поѣду. Онъ не терпѣлъ, однако, надежды и увѣрилъ, что это необходимо нужно для него и для отца.

— Можеть-быть, для васъ это нужно, но для меня совсѣмъ ненужно.

Ванъ съ этимъ не соглашался и повторялъ, что это необходимо.

Уложилъ меня въ постель какъ нянька, онъ усѣлся на полу и продолжалъ уговаривать меня ѣхать завтра къ его отцу.

— Мой батька уви-

дитъ капитана и скажетъ: я твой отецъ, а капитанъ будетъ тоже отецъ. Я спрошу батьку: можно ходить за капитаномъ, онъ скажетъ: можно...

— Да ты толкомъ объясни, что ты отъ меня хочешь?

Ванъ долго молчалъ и, наконецъ, обратился ко мнѣ умоляющимъ тономъ:

— Капитанъ! Возьми меня бойкой!

— Да ты же знаешь, что я ѣду домой — далеко въ Россію.

— Капитанъ, возьми меня въ Россію. Батька увидитъ капитана и скажетъ: «можно». Куда капитанъ пойдетъ, туда можеть Ванъ идти. Я буду хорошо служить капитану...

— Нѣтъ, не могу я тебя взять съ собою. Въ Россіи много русскихъ боекъ.

Ванъ видѣлъ, что его желаніе невыполнимо, и уже тономъ ниже пробовалъ еще убѣдить меня.

— Русскому бойкѣ много денегъ нужно, а китайскому бойкѣ мало...

Потомъ, вдругъ остановившись, онъ всталъ и сталъ рыться въ карманахъ.

— Капитанъ думаетъ, бойка хочеть денегъ. Не надо денегъ...

Онъ положилъ на край постели деньги, полученные отъ меня, и даже шляпу.

— Теперь не надо деньги давай. Потомъ давай, если бойка будетъ хорошо служить... А худо служить, не надо деньги давай.

Пришлось категорически объявить ему, что его желаніе невыполнимо.

— Если бы еще я остался здѣсь, то я взялъ бы тебя. Ты хороший бойка.

— Да... хороший бойка... — дрожащимъ голосомъ промолвилъ Ванъ. — Хорошій... а капитанъ не хочеть взять... значить, худой бойка...

— Ну, Ванъ, довольно говорить. Я сказалъ тебѣ, что нельзя. Бери свои деньги и ложись спать.

Онъ медленно взялъ деньги, скомкалъ въ рукѣ, въ разсѣянности одѣлъ шляпу на голову, но остался сидѣть на полу и застылъ въ задумчивой позѣ.

Утомленный дневнымъ путешествіемъ, я заснулъ, а когда среди ночи проснулся, то Ванъ спалъ въ той же позѣ, положивъ голову на край постели. Я его разбудилъ и заставилъ лечь на свою койку.

Утромъ онъ проснулся самъ не свой. Опять принялся за уборку отдѣленія, но все дѣлалъ разсѣяно и все ждалъ, когда я открою глаза. Подавая мнѣ одѣваться, онъ заглядывалъ мнѣ въ лицо, желая угадать, остался ли я при вчерашнемъ рѣшеніи, но повторять своихъ просьбъ онъ уже не пытался. Съ юга подошелъ поѣздъ. Я велѣлъ проводнику бѣжать на станцію и заявить о приѣзжѣ моего вагона.

Ванъ понялъ, что этимъ рѣшается его судьба, и трогательно вздохнулъ.

Желая его утѣшить, я спросилъ, не нужно ли ему чего-нибудь изъ одежды, но онъ отказался и попросилъ мою фотографическую карточку, которая валялась на столѣ. Его главнымъ образомъ интересовало, что онъ, по его словамъ, покажетъ капитана своему батькѣ.

Подошелъ паровозъ, зацѣпилъ вагонъ и, протаскавъ его черезъ стрѣлки, прицѣпилъ къ хвосту поѣзда.

За этимъ, очевидно, только и была задержка, потому что сейчасъ же засвистѣлъ свистокъ и мы тронулись.

На прощаніи мы съ Ваномъ дружески обились и онъ всталъ на ступеньку. Поѣздъ медленно миновалъ станцію и пошелъ полемъ, прибавляя ходу.

Ванъ спросилъ еще:

— Можеть-быть капитанъ сердца? — и на мой отрицательный отвѣтъ промолвилъ: — Пасибо, капитанъ, пасибо.

Затѣмъ указавъ рукой въ ту сторону, гдѣ была его деревня, ловко спрыгнулъ со ступеньки и, идя по тропинкѣ около насыпи, сталъ быстро отставать отъ поѣзда...

Куанчендзы былъ послѣдній городъ, а Ванъ послѣдній китаецъ, которыхъ я видѣлъ въ Манчжуріи. Проживъ здѣсь полтора года въ постоянной близости къ населенію, я всегда искалъ объясненія къ тому предвзятому отрицательному взгляду къ китайцамъ и къ китайщинѣ, который установился у здѣшнихъ европейцевъ, и съ которыми сталкивается каждый новоприбывшій...

Но объясненія, или лучше сказать оправданія, этому взгляду я не нашель.

Типъ китаецъ Манчжуріи достаточно обрисовался для меня и живой стоитъ передъ глазами.

Равнодушный ко всему на свѣтѣ, громъ своего обихода, спокойный работникъ, несравненный землепашецъ, довѣрчивый по природѣ, а съ другой стороны осторожный и сбитый съ толку иноземными друзьями и врагами, рѣдкій семьянинъ — онъ возбуждаетъ сочувствіе.

Но отъ этого далеко до презрѣнія, хотя и для этого взгляда объясненіе можно найти. Причина не въ пыли, не въ грязи китайской жизни, а въ томъ, что китаецъ не гражданинъ. У него нѣтъ ни чувства общечеловѣчности, ни патриотизма, ни вѣры въ свои народныя силы, ни яснаго сознанія законности, потому что эти качества не могли развиваться въ немъ при существующемъ въ Китаѣ государственномъ строе, и въ итогъ онъ, какъ сынъ Китайской имперіи — ничтоженъ, а главное — беззащитенъ. И онъ будетъ въ презрѣніи до тѣхъ поръ, пока онъ беззащитенъ.

Но если онъ стяхнетъ съ себя вѣковую пыль и пойдетъ по пути другихъ народовъ и, вооружась, покажетъ свою силу, то его стануть уважать, хотя онъ попрежнему будетъ желтокожимъ, узкоглазымъ и отъ него попрежнему будетъ пахнуть черемшой.

Безконечныя грядки полей, которые мелькаютъ передъ глазами и исчезаютъ отъ уходящаго поѣзда, навсегда оставяютъ воспоминаніе о китаецѣ, какъ о великомъ работникѣ-землепашцѣ.

Теперь на этихъ поляхъ труда, ставшихъ полями страданій и смерти и политыхъ кровью, люди многому научились и, можеть-быть, больше всѣхъ научился китаецъ...

Прощай, Манчжурія... В. Табуринъ.

Когда улетаютъ ласточки...

(Рис. на стр. 908).

Когда улетаютъ ласточки... Онъ улетаютъ, когда солнце начинаетъ свѣтить холоднѣе,

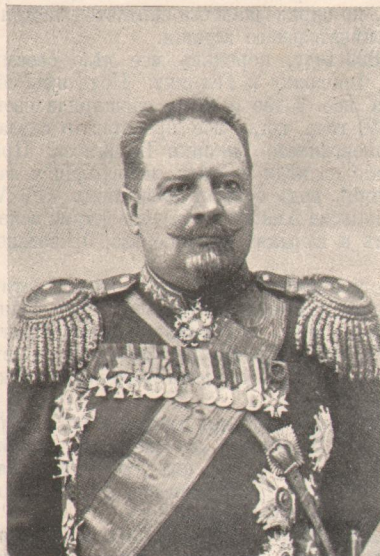
Новый финляндскій генераль-губернаторъ, статсъ-секретарь Н. Н. Герардъ.

когда зеленый уборъ рои становится золотымъ, а потомъ темно-краснымъ; когда свѣтло-голубое небо затягивается темными, густыми тучами. Тогда улетаютъ ласточки... Улетаютъ въ тѣ счастливые края, гдѣ еще не наступала хмурая, слезливая осень. Картина нѣмецкаго художника Фейта въ красивыхъ мистическихъ образахъ даетъ намъ эту грустную ноту жизненнаго символа. Фейтъ въ большинствѣ своихъ произведеній является мистикомъ неоромантизма — той римской художественной школы, которая стала извѣстна въ живописи подъ названіемъ «назареевъ». Въ картинѣ Фейта мы имѣемъ какъ разъ обихарактерныя черты та-

Профессоръ К. М. Гольцманъ, избранный директоромъ казанскаго ветеринарнаго института.

Генераль-лейтенантъ К. В. Церпицкій, командиръ 10 армейскаго корпуса, герой минувшей русско-японской войны, награжденный за исключительное мужество, храбрость и распорядительность орд. св. Георгія 3 ст., скончался отъ ранъ 14 ноября с. г. въ Каннахъ, въ виллѣ, отведенной для русскихъ раненыхъ офицеровъ.

все. Простить, потому что безъ прощенья оно не найдетъ нигдѣ покоя и не достигнетъ примиренія съ своею собственной совѣстью. Нельзя носить въ сердцѣ зло въ теченіе долгаго времени: на это способны лишь исключительныя натуры. Оно испаряется изъ сердца, и когда грѣшникъ явится со своимъ раскаяніемъ — сердце «все пойметъ и все проститъ».

Изящная картина худ. П. Вагнера въ художественномъ образѣ молодой дѣвушки олицетворяетъ предъ нами эту вѣчно-старую и вѣчно-юную истину.

А. И. Таренецкій.

(Портр. на этой стр.)

Военно-медицинская академія понесла тяжелую утрату: 3-го ноября скончался

ланта этого художника: сколько чисто-классическаго романтизма въ самомъ пейзажѣ, въ этихъ пасущихся стадахъ барашковъ и въ этихъ красивыхъ дѣвушкахъ съ гирляндами въ рукахъ, поющихъ послѣднее привѣтствіе улетающимъ ласточкамъ! Задумчивое и таинственное настроеніе разлито во всей этой изящной картинѣ и въ выраженіи лица этого глубоко задумавшаго пастуха.

«Ты прощень!»

(Рис. на стр. 912).

Какъ бы ни былъ тяжелъ грѣхъ противъ любимаго человека, любящее сердце проститъ

послѣ продолжительной и трудной болѣзни ея начальникъ, академикъ Александръ Ивановичъ Таренецкій.

Покойный находился во главѣ академіи сравнительно недолго; но предъ тѣмъ, какъ занять постъ начальника этого высшаго военно-медицинскаго учебнаго заведенія, онъ былъ уже давно связанъ съ академіей, какъ одинъ изъ ея профессоровъ. А. И. Таренецкій занималъ кафедру анатоміи и считался преемникомъ знаменитаго Грубера. Какъ профессоръ, онъ былъ очень популяренъ въ средѣ учащейся молодежи и имѣлъ крупное имя, какъ ученый.

Начальникъ военно-медицинской академіи, академикъ проф. А. И. Таренецкій. († 3 ноября с. г.)

А. И. Таренецкій родился въ 1845 г.

въ Саксоніи, въ г. Веймарѣ, гдѣ отецъ его служилъ при православной посольской церкви. Окончивъ курсъ въ веймарской гимназій, покойный слушалъ затѣмъ лекціи въ Йенскомъ университетѣ, а въ 1864 г. пріѣхалъ въ Россію и поступилъ въ медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинская) академію.

Въ академіи онъ занялся, подъ руководствомъ профессоровъ Грубера и Гейнера, спеціально анатоміей и исполнялъ обязанности демонстратора при студенческихъ практическихъ занятіяхъ. Окончивъ затѣмъ въ академіи курсъ, причемъ имъ была получена золотая медаль, А. И. Таренецкій былъ оставленъ при академіи прозекторомъ и сталъ ближайшимъ помощникомъ проф. Грубера.

Въ 1887 г. онъ былъ избранъ въ ординарные профессора по кафедрѣ нормальной анатоміи и съ той поры непрерывно занималъ эту кафедру, читая лекціи и руководя практическими занятіями слушателей. И лишь назначеніе на должность начальника академіи (по смерти прежняго ея начальника, Пашутина) заставило А. И. Таренецкаго прекратить научно-педагогическую дѣятельность и перейти на учебно-административное поприще.

Покойному принадлежатъ много трудовъ по сравнительной и человѣческой анатоміи, антропологии и нормальной анатоміи, а также огромное количество рефератовъ, докладовъ и журнальныхъ статей. Подъ его редакціей переведена, между прочимъ, известная книга Панша «Основы анатоміи человѣка».

А. И. Таренецкій состоялъ председателемъ антропологическаго общества при военно-медицинской академіи и товарищемъ председателя общества попеченія о бѣдныхъ больныхъ с.-петербургскаго клиническаго госпиталя.

Покойный пользовался горя-

Герои двухъ войнъ. Отецъ — И. К. Аверьяновъ, отставной инженеръ - подполковникъ, отбылъ всю осаду Севастополя. Сынъ — В. И. Аверьяновъ, капитанъ 28-го вост.-сиб. стр. полка, отбылъ всю осаду Портъ-Артура.

Городъ Херсу — главная квартира 1 манчжурскаго арміи. Эвакуаціонный и питательный пунктъ съ лазаретомъ Краснаго Креста. Старшій врачъ — докторъ Мигдисовъ. — Старшая сестра милосердія и завѣдующая хозяйствомъ О. А. Томила, награжденная тремя медалями; изъ нихъ одною золотою на георгіевской лентѣ, за храбрость. — Сестра милосердія г-жа Лядова. По фот. В. Р. Апухтина, авт. «Нивы».

чими симпатіями учащихся за свою простоту обращения и справедливость и большим уважением, как опытный и знающий ученый. Его кончина—крупная потеря для академіи.

Столѣтіе фирмы „Ф. А. Брокгаузъ“ въ Лейпцигѣ.

(Съ 2 портр. на этой стр.).

Въ октябрѣ исполнилось столѣтіе существованія знаменитой нѣмецкой книгопродавческой и издательской фирмы «F. A. Brockhaus».

Въ издательскомъ мірѣ Европы это большое событіе. Сто лѣтъ уже существуетъ это предпріятіе, сто лѣтъ оно снабжаетъ не только Германію, но и всю Европу превосходно изданными книгами и служитъ литературѣ и искусству. И въ теченіе всѣхъ этихъ ста лѣтъ оно не выходило изъ однихъ и тѣхъ же рукъ, переходя по наслѣдству отъ отца къ сыну, и такимъ образомъ какъ бы создалась цѣлая династія Брокгаузовъ.

Основателемъ фирмы является Фридрихъ Ариольдъ Брокгаузъ. Онъ родился въ 1772 г. въ Дортмундѣ и получилъ весьма серьезное образование. Питая особую склонность къ книжной торговлѣ, Ф. Брокгаузъ основалъ 3-го октября 1805 г. въ Амстердамѣ предпріятіе по торговлѣ и изданію нѣмецкихъ книгъ.

Въ 1814 г. фирма была перенесена въ Альтенбургъ.

Въ первое время Брокгаузъ специализировался преимущественно на периодической прессѣ, такъ какъ въ то бурное время изданія по изящной литературѣ и наукѣ шли плохо. Но зато на газетномъ поприщѣ Брокгаузъ выступилъ съ огромнымъ успѣхомъ, хотя ему пришлось много воевать съ цензурой, которая тогда была необычайно строга и въ Германіи, и въ Голландіи и усердно запрещала Брокгаузу то одно, то другое его изданіе, всячески тормозя его дѣятельность.

Вмѣстѣ съ цензурой отъ важному книгопродавцу сильно мѣшали и «внѣшнія обстоятельства». Достаточно сказать, что Брокгаузъ приступилъ въ Лейпцигѣ къ изданію газеты «Deutsche Blätter» за нѣсколько дней до знаменитой лейпцигской битвы и въ виду подходившаго къ Лейпцигу непріятеля.

Но всѣ эти препятствія и тревоженія не остановили энергичнаго предпринимателя, хотя и разстраивали его крѣпкое здоровье. Въ 1817 году Брокгаузъ окончательно поселился въ Лейпцигѣ и перевелъ туда всю свою фирму; послѣ войны онъ съ большимъ успѣхомъ сталъ издавать книги по разнымъ отраслямъ знаній, по изящной литературѣ и пр. Тогда же онъ началъ изданіе знаменитаго энциклопедическаго словаря — «Brockhaus' Conversations Lexikon».

Брокгаузъ принялъ на себя всю редакцію лексикона, далъ ему свое имя и, такимъ образомъ, по справедливости считается настоящимъ основателемъ этого замѣчательнаго изданія.

Брокгаузъ скончался въ 1823 году, передавъ все дѣло своимъ двумъ старшимъ сыновьямъ, Фридриху и Генриху. Подъ ихъ общимъ руководствомъ фирма все болѣе и болѣе расширяла свои предпріятія, особенно съ 1850 года, когда все предпріятіе сдѣлалось собственностью болѣе энергичнаго Генриха Брокгауза. При немъ были основаны печатаніе на мѣди и стали, литографія и заведеніе для печатанія на камнѣ подъ общимъ названіемъ «F. A. Brockhaus' Geographisch-Artistische Anstalt». Позднѣе фирма основала свои отдѣленія въ Вѣнѣ и Берлинѣ и приобрѣла, буквально, всемірную извѣстность.

Послѣ Генриха Брокгауза предпріятіе перешло по наслѣдству его сыновьямъ Генриху-Эдуарду и Генриху-Рудольфу. А съ 1 января 1881 года, въ компанію къ нимъ вступилъ и старшій сынъ Генриха-Эдуарда, Альбертъ-Эдуардъ Брокгаузъ, являющийся въ настоящее время единственнымъ представителемъ знаменитой лейпцигской фирмы.

Трудно перечестъ, сколько изданій и какія именно были выпущены въ свѣтъ предпріятіемъ Брокгауза за мивувшее столѣтіе его существованія. Перечислимъ хотя нѣкоторыя.

Кромѣ «Энциклопедическаго Словаря» имъ были изданы: «Litterarisches Conversations Blatt», «Conversations Lexikon der Gegenwart», «Conversations Lexikon der neuesten Zeit und Litteratur», и многіе другіе подобныя же словари. Далѣе: «Исторія Гогенштауфеновъ» Раумера, сочиненія А. Шопенгауэра, Бузена, Фихте, Куно Фишера, Ренана, Гудкова, Лассаля и множество другихъ. Нельзя не упомянуть затѣмъ и великолѣпное изданіе иллюстрированной Библіи, а также чудныхъ по роскоши гравюръ къ сочиненіямъ Шиллера, Гете, Шекспира и Лессинга («Schiller-Galerie, Goethe-Galerie» и т. д.).

До 1882 года фирма Брокгаузъ выпустила въ свѣтъ 3500 сочиненій. Въ настоящее время это число, конечно, еще болѣе увеличилось.

Таковы заслуги этой книгоиздательской династіи передъ литературою и искусствомъ. Сто лѣтъ она служила какъ бы очагомъ, гдѣ облекались въ прекрасный нарядъ мысли и художественныя созданія лучшихъ европейскихъ писателей и художниковъ, и откуда онѣ распространялись въ изящныхъ томахъ по блу свѣту. Пожелаемъ этой знаменитой фирмѣ дальнейшей, столь же успѣшной и плодотворной дѣятельности.

А. Брокгаузъ, нынѣшній представитель издательской фирмы. Къ столѣтію издательской фирмы.

Ф. А. Брокгаузъ, основатель издательской фирмы. „Ф. А. Брокгаузъ“ въ Лейпцигѣ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.

Содержаніе.

1 Е К С Т Ъ: Невѣста Барвара. Повѣсть И. Н. Потапенко. (Продолженіе).—Презрѣнная Китайщина. (Отъ нашего спеціального корреспондента).—Когда улетаютъ ласточки...—„Ты прощень!“—А. И. Таренецкій.—Столѣтіе фирмы „Ф. А. Брокгаузъ“ въ Лейпцигѣ.—Завлеченіе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Маленькая Ева.—Когда улетаютъ ласточки...—Отзвучавшая пѣсня.—Ты прощень!—Генераль Лешъ.—Куанчендзы. 1) Вывѣска передъ магазиномъ серебряныхъ издѣлій и торговцевъ башмаками. 2) Чайный магазинъ. 3) Каунчендзы.—Внутренній дворъ китайскаго дома.—Нишій китаецъ-христіанинъ.—Курильщикъ опіума.—Китайскій фокусникъ.—Корона королевы Норвегіи.—Корона короля Норвегіи.—Корона наслѣднаго принца Норвегіи.—Королевскій дворецъ въ Христианіи: 1) Общій видъ дворца. 2) Парадный залъ. 3) Гостиная королевы. 4) Гостиная короля.—Н. Н. Кутлеръ.—Н. Н. Герардъ.—Профессоръ К. М. Гольдманъ.—Генераль-лейтенантъ К. В. Церпицкій.—Профессоръ А. И. Таренецкій.—Инженеръ-подполковникъ И. К. Аверьяновъ и капитанъ В. И. Аверьяновъ.—Городъ Херсу—главная квартира 1 манчжурской арміи.—А. Брокгаузъ.—Ф. А. Брокгаузъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 47.

